

«БЫВАЮТ СТРАННЫЕ СБЛИЖЕНИЯ»: «ОБЩИЕ МЕСТА» В МЕМУАРАХ О ЧЕРНЫШЕВСКОМ И ПИСАРЕВЕ

Т.И. Печерская

*Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск,
Россия; ptatiana9@gmail.com*

Аннотация: В статье сопоставлены «общие места» мемуаров о Чернышевском и Писареве, в которых обнаруживается сходство двух деятелей: от внешности и особенностей поведения, детско-юношеских занятий до манеры письма, способов самовыражения. Проанализированы биографические и типологические основания для сопоставления по принципу сходства и различия обеих фигур. Целью работы является исследование влияния общественной репутации на формирование мемуарного облика Чернышевского и Писарева. В результате сделан вывод, что у мемуаристов существовала модель для создания облика выдающегося общественного деятеля революционного движения, и образы Чернышевского и Писарева изначально были положены в ее основу. Модель формировалась на поэтических образах стихотворений Некрасова, посвященных Белинскому, Добролюбову, Писареву, Чернышевскому, а также с опорой на жанр надгробного слова на публичных похоронах 1860–1870-х годов, заменявших выражение общественного протеста. Сближает источники общность тем: самоотверженное служение общественным идеалам; гений, принесенный в жертву ради людей; безвременная смерть от гнета властей. В мемуарном облике по общей концептуальной канве объединены по сути индивидуальные свойства, акцентирующие общие черты выдающейся личности. Невероятные способности обоих особым образом акцентируют единый «профиль»: высочайшие интеллектуальные природные дарования, положенные на алтарь борьбы. Тема противоречия между ожидаемым — истинным — обликом и реальным демонстрирует колоссальный перевес силы духа, мысли над обычной человеческой природой. Отмеченное сходство рассмотрено также с точки зрения проблемы использования мемуаров как биографического и историко-литературного источников.

Ключевые слова: мемуары; мемуарная агиография; эпоха шестидесятых годов; Н.Г. Чернышевский; Д.И. Писарев; Н.А. Некрасов

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-04-13

Для цитирования: Печерская Т.И. «Бывают странные сближения»: «общие места» в мемуарах о Чернышевском и Писареве // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 4. С. 145–156.

“THERE ARE STRANGE APPROACHES”: ‘COMMON PLACES’ IN THE MEMOIRS ABOUT CHERNYSHEVSKII AND PISAREV

Tatyana Pecherskaya

Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia; ptatiana9@gmail.com

Abstract: The research is based on the materials of memoirs about Chernyshevskii and Pisarev. The ‘common places’ of the memoirs, in which the similarity of the two activists is revealed, are compared. Purpose: to investigate the influence of public reputation on the formation of the memoir image of Chernyshevskii and Pisarev.

Aims: to identify the specifics of the formation of the memoir corpus of famous public and literary activists; to justify the presence of an out-of-text model as a source of commonality of the image angle. Other documentary sources were also involved to identify the reasons for the coincidence and discrepancy of the facts. Contradictions were established in both cases.

Results and conclusions: it is possible to assume, that in the public consciousness of a certain circle there existed a model for creating the image of an outstanding public activist of the revolutionary movement. Both Chernyshevskii and Pisarev not just matched to this model, — their images were originally put in its ground.

The formation of the image model was based on two sources: poetic images of Nekrasov’s poems dedicated to Belinskii, Dobrolyubov, Pisarev and Chernyshevskii; relying on the genre of the eulogies at public funerals of the 1860s–1870s and later, that replaced the expression of public protest. The commonality of themes — selfless service to social ideals; genius, sacrificed for the sake of people; early demise from the oppression of the authorities, — brings both sources together. In the memoir image, according to the general model, essentially individual features are combined, emphasizing the generalized properties of an extraordinary personality. The outstanding abilities of both underline a single ‘profile’ in a special way: the highest intellectual talents, laid on the chancel of struggle. The motive of unrecognition, the contradiction between the expected — true — and the real appearance of a person, demonstrates a great advantage of the fortitude and thought over ordinary human nature.

Keywords: memoirs; memoir hagiography; the era of the sixties; N.G. Chernyshevskii; D.I. Pisarev; N.A. Nekrasov

For citation: Pecherskaya T.I. (2023) “There Are Strange Approaches”: ‘Common Places’ in the Memoirs about Chernyshevskii and Pisarev. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 4, pp. 145–156.

Мемуары как источник сведений самого разного характера являются настолько же ценным ресурсом, насколько и ненадежным. Л.Я. Гинзбург писала о «ферменте недостоверности» как свойстве, заложенном в самой их природе [Гинзбург 1971]. Нас будет интересовать одно из проявлений этого свойства в проекции на целый корпус мемуаров об очень разных людях, объединенных и сближенных со-

временниками по типу общественной значимости. На основе воспоминаний о Чернышевском и Писареве мы попытаемся ответить на вопрос: как при фактической достоверности частного формируется недостоверность целого? В историко-литературном аспекте цель состоит в исследовании влияния общественной репутации на формирование облика общественно значимых литературных деятелей.

Коснемся некоторых внемеуарных оснований сопоставления по принципу сходства и различия обеих фигур. В истории литературы Чернышевский и Писарев объединены «эпохой шестидесятых годов»: тот и другой выступали идеологами общественного демократического движения. Сравним в целом и характер их деятельности: работа в «Современнике» и «Русском слове», главных демократических журналах-конкурентах. Если приблизить картину, на первый план выступят черты различия. Существенна поколенческая разница: Чернышевский — человек пятидесятых годов, Писарев — шестидесятых. Чернышевский формирует идеологию поколения с середины 1850-х годов, Писарев в 1856 году только поступает в университет, а в 1861 году он — выпускник университета и сотрудник журнала для девиц «Рассвет» — только совершает переход из эстетов в демократы и нигилисты. Так, например, его кандидатура как возможного сотрудника «Русской Речи» была отклонена Евгенией Тур: юноша оказался ярким сторонником чистого искусства¹.

Можно отметить сходство другого порядка: линия литературного восхождения и нисхождения похожа. Оба стремительно завоевали первенство в своих журналах, но после ареста журнальная деятельность Чернышевского закончилась; напротив, восхождение Писарева-журналиста по-настоящему только началось. Если воспользоваться стилем мемуаристов, можно сказать, что звезда Чернышевского-журналиста зашла в 1862 году, а звезда Писарева только вошла в зенит. Однако Чернышевский во время заключения

¹ В 1865 г. в «Современнике» было опубликовано письмо матери Писарева Некрасову, где она указывает на сильное влияние Благосветлова на ее сына и формирование его взглядов, в частности, она отмечает: «В январе 1861 года мой сын, бывший в Москве, виделся с г-жой Евгениею Тур и предлагал ей свое сотрудничество для “Русской речи”; заговоривши о литературе, мой сын сказал г-же Тур, что он поклонник чистого искусства, что он считает г. Майкова за величайшего из современных русских поэтов и что он восхищается рассказами г-жи Кохановской. Г-жа Тур не согласилась с ним на этих пунктах и не приняла его в сотрудники, потому что видела в нем юношу, совершенно погрязшего в старой эстетике» (Современник. 1865. № 3. С. 218–220). Письмо должно было «восстановить честь» Благосветлова, снять обвинения в том, что он «загрывает жар чужими руками», то есть пользуется идеями Писарева. В разгаре полемики «Русского слова» и «Современника» застрельщиком обвинений Благосветлова выступал Антонович. По мнению исследователей, это письмо с большой вероятностью было продиктовано самим Писаревым [Кузнецов 1990: 154–158].

в Петропавловской крепости написал роман, что многократно усилило влияние его имени, обеспечило необычайно широкую читательскую аудиторию на последующие десятилетия. В дальнейшем развить подобный успех Чернышевский не смог, но и одного романа оказалось достаточно.

В биографическом и творческом смысле они пересеклись заочно именно в этой высшей точке — в одно время, с разницей в несколько дней, оказались в Петропавловской крепости и на протяжении почти полутора лет одновременно находились в заключении, по выражению Набокова, были со-узниками. Если для Чернышевского этот факт не значил практически ничего, то для Писарева — напротив. Он получил право писать и продолжать работу в журнале, ссылаясь на уже полученное Чернышевским особое разрешение заниматься литературной работой при более тяжком обвинении². Но, может быть, еще важнее было знакомство Писарева с романом Чернышевского³, по поводу которого тогда же была написана апологетическая статья. «Новый тип» если и не затмил в его глазах Базарова, поставлен был очень высоко с точки зрения перспективы разработки нового героя литературы и жизни.

Искать биографическое сходство не побуждает разница, заключенная в самих обстоятельствах жизни. Писарев — юноша из старой дворянской семьи с соответствующим «барским» воспитанием в детстве. Человеком своего круга он оставался до конца жизни, никогда не смешивал «реальность» и журнальный образ, сформированный в «Русском слове» (агрессивный развязный нигилист вроде разночинца Базарова). Чернышевский происходил из духовенства, по идентификации шестидесятых годов — «из семинаристов», разночинец по образу жизни и складу. Разительны также отличия в характере, личном складе. Наконец, разница в продолжительности жизни обоих не позволяет строить биографическое сопоставление: с одной стороны, длительная жизнь Чернышевского, вместившая много событий до и после вхождения в зону расцвета деятельности, с другой — краткая жизнь Писарева, внезапно обрвавшаяся почти в высшей точке.

В означенном биографическом и историко-типологическом контексте не может не привлекать внимания мемуарное сходство столь

² Позже разрешение было получено Н.В. Шелгуновым, М.Л. Михайловым и Н.А. Серно-Соловьевичем. Трое ведущих сотрудников «Русского слова» (Писарев, Шелгунов, Щапов) писали статьи, находясь в заключении. См. подробнее: [Кузнецов 1990: 193–207].

³ Статья «Новый тип» (РС. 1865. № 10), по мнению исследователей, восходит к статье «Мысли о русских романах», написанной сразу после выхода романа и запрещенной цензурой [Кузнецов 1990: 641].

разных фигур. В воспоминаниях самых разных лиц о Чернышевском и Писареве повторяется упоминание целого ряда однотипных личностных черт в близких описаниях. В итоге «общие места» создают неожиданный эффект своеобразного «двойничества» мемуарного облика. В дальнейшем мы намеренно локализуем поле наблюдений и зафиксируем только почти буквальные совпадения.

Выделим несколько тематических направлений по степени частотности повторов. Общим местом становится своего рода *обман ожидания*. Свидетельства о расхождении ожидаемого и реального облика Писарева связаны со временем его выхода из Петропавловской крепости, когда он стал по-настоящему знаменит. А. Волынский пишет: «Казалось, что неумолимый разрушитель эстетики, <...> беспощадный и прямолинейный враг всяких житейских кодексов, должен быть существом грубым, антиэстетическим <...> Люди, не знавшие Писарева в лицо, руководимые ходячею легендою, должны были удивляться <...> Он был совсем не таков, каким его ожидали встретить. Изящный, предупредительный, гладко причесанный и щеголевато одетый, <...> он мог служить образцом изысканно воспитанного молодого человека из состоятельной дворянской семьи» [Волынский 1896: 481–482]⁴. Не столько разочарование, сколько даже приятное удивление испытал Тургенев. Сошлюсь на его впечатление о знакомстве с Писаревым. В письме М.В. Авдееву он пишет с иронией: «Писарев, великий Писарев, бывший критик “Русского слова” зашел ко мне <...> а главное — il a l’air d’un enfant de bonne maison, как говорится, ручки имеет прекрасные, и ногти — следующей длины <рисует ноготь, длине которого позавидовал бы Павел Петрович Кирсанов — Т.П.> — что для нигилиста несколько странно» [Тургенев 1990: 168].

То же разочарование или несовпадение отмечают мемуаристы Чернышевского. Интересно воспоминание Н.Я. Николадзе о выступлении Чернышевского на литературном вечере 2 марта 1862 года, где он говорил о Добролюбове: «...Не верилось, что это был тот самый Чернышевский <...> Ретивейшим из его поклонников показалось, что нам его просто подменили, пользуясь тем, что он почти никогда и нигде не показывался, да и портрета его нигде нельзя было достать» [Николадзе 1958: 394]. Вот как описывает П.Ф. Николаев появление Чернышевского среди политических ссыльных: «При нашем настроении благоговейного трепета мы инстинктивно, сами о том не думая, ждали от Николая Гавриловича чего-то героического. <...> И увидели

⁴ Подобные расхождения приводят В.И. Писарева, Р.А. Гарднер (Коренева), А.М. Скабичевский, И.С. Тургенев, Е.А. Соловьев и др.

самое обыкновенное лицо <...> Часто по нашим погостам попадают дьячки с такою наружностью» [Николаев 1959: 153].

Другой сегмент общих мест касается воспоминаний о детстве и ранней юности. Через целый ряд мемуаров проходит тема исключительных интеллектуальных способностей обоих. Выделяются необычайная тяга к учению, предпочтение книг и занятий детским играм, очень раннее освоение нескольких иностранных языков, включая древние, поразительная и даже уникальная память. Е.А. Соловьев, первый биограф Писарева, называвший свой труд «коллективным», то есть основанным на многих воспоминаниях, пишет: «В таких успехах сказались как громадные способности ребенка, его удивительная память, так и старательность, приложенная матерью в деле воспитания. Без всякого преувеличения можно сказать, что Писарев учился целый день. <...> в три года он бегло читал, в четыре разговаривал как маленький парижанин» [Соловьев 1893: 8].

Перечисляя количество языков, которые знал Чернышевский ко времени поступления в духовную семинарию, Ю.М. Стеклов объединил сведения, почерпнутые из воспоминаний, и выстроил довольно впечатляющий список: «...уже обладал поразительной начитанностью и умственным развитием, феноменальной памятью. Он знал языки: греческий, латинский, еврейский, французский, немецкий, польский и английский» [Стеклов 1909: 3]. Вне списка остались и другие свидетельства: еще он изучал персидский (с местным торговцем) и немецкий. Чаще всего приводятся примеры блестящего владения древними языками. Скажем, А.Н. Пыпин вспоминает об увлеченности юного Чернышевского чтением Цицерона: «...мне ясно припоминается он за чтением старой латинской книги, <...> это было старое, первых годов семнадцатого столетия, издание Цицерона; помню, что он читал его свободно, не обращаясь к словарю» [Пыпин 1958: 61]. Немало подобных примеров из семинарской и университетской жизни. Так же показательны упоминания ситуаций, где тот и другой удивляли преподавателей и товарищей необычайными познаниями. А. Волынский ссылается на воспоминания однокурсника Писарева, П. Полевого: поражала «...его способность <уже на первом курсе — П.Т.> без всякого приготовления переводить перед профессором классических авторов в чистом, литературном выражении» [Волынский 1896: 484].

Сходно описываются склад характера, манера себя вести, даже внешность обоих. Приведу несколько описаний без обозначения объектов⁵: «Мягкий», «застенчивый»; «товарищи звали его красной

⁵ Используются мемуары А.Ф. Раева, Ф.В. Духовникова, И.У. Палимпсестова, А.И. Розанова о Чернышевском; В.И. Писаревой, П.Н. Полевого, А.М. Скабичевского, А.Л. Волынского о Писареве.

девицей», «тихий», «смирный»; «В то время он был довольно высоким юношей с нежным женственным лицом, рыжеватыми волнистыми волосами, тихим голосом, застенчивый, молчаливый и приветливый»; «Волосы имел он светло-рыжие»; «Безукоризненно и тщательно одетый, розовый, гладко причесанный и даже припороженный, он производил впечатление переодетой девочки»; «Наивные простодушные люди, знавшие этого мягкого, простого, доброго и уступчивого юношу, впоследствии изумлялись, как такой человек мог превратиться в потрясателя основ»; «шестнадцатилетний розовый юноша»; «...он удивлял меня своим ребяческим видом: рыженький, розовенький, с веснушками на лице, одетый с иголочки, он глядел вербным херувимчиком». Создается впечатление, что речь идет об одном и том же человеке.

Внимание привлекают свидетельства, касающиеся манеры писать. В них неоднократно отмечается исключительное свойство обоих — писать набело, без черновиков, невероятная продуктивность письма, проще сказать, огромное количество написанного в фиксированный отрезок времени. Точность подсчета обеспечивалась временем пребывания в крепости и отсутствием каких-либо других занятий. Добавим еще и использование гусяного пера в крепости (в обычной жизни оба привыкли пользоваться стальным). Вот как пишет П.Е. Щёголев о Чернышевском, производя описание созданного в крепости за неполные два года: «Кажется невозможным выполнение автоматической переписки такого количества листов в такое время <...> печатных листов по 40 тыс. букв в листе: беллетристика — 68, научные работы — 12, автобиографические — 12, судебные показания и объяснения — 4, компиляции — 11, переводы — 100 листов, всего около 205 печатных листов, или чуть больше 9 1/2 печатных листов в месяц» [Щёголев 1986: 26–27]. Щёголев подсчитывал только беловые рукописи, не беря в расчет черновые. Другими словами, черновые рукописи все-таки существовали. Известна ныне опубликованная большая по объему редакция романа «Что делать?». Версия о писании без черновиков существовала параллельно. Так, не вызывало недоверия предположение насчет причин паники при потере рукописи романа Некрасовым. А.Я. Панаева пишет: «все знали», что Чернышевский писал сразу набело [Панаева 1986: 338].

Те же способности — писать набело и в огромном количестве — называются и в мемуарах о Писареве. Скажем, неоднократно упоминается выпускная диссертация в 15 печатных листов, удостоившаяся серебряной медали («Аполлоний Тианский и его время»), которую Писарев написал прямо набело за два месяца. О диссертации в связи с манерой писать «по обыкновению» набело говорит

и сам Писарев в следственных показаниях. Он сообщает, что его статья, легшая в основу обвинения, «как и большая часть <...> журнальных статей, писана без черновой, прямо набело, под впечатлением минуты» [Лемке 1907: 144]. В количественном отношении написанное в крепости также не может не удивлять. Н.Д. Быховский сообщает о 110-ти печатных листах, написанных примерно за 2,5 года. Здесь, кроме статей о литературе, статьи на естественнонаучные, исторические темы, публицистика, обзоры книг, рецензии и проч. [Быховский 1936]. О наличии или отсутствии черновых рукописей в данном случае судить трудно, во всяком случае о них никогда не упоминается, большая часть статей в академическом издании опубликована по «Русскому слову» и полуприжизненному изданию Ф.Ф. Павленкова (1866–1869), в котором Писарев почти не принимал участия, ссылаясь на отсутствие интереса к своим старым статьям. Г.Г. Елизаветина, комментируя текстологическую часть ПСС Писарева, пишет о критической проверке текстов «по всем доступным первоисточникам — печатным и рукописным — в тех редких случаях, когда они сохранились» [Елизаветина 2000: 403].

Со способностью писать без черновиков вполне увязываются и свидетельства о способности легко говорить большими периодами, излагая мысль правильным литературным стилем, по сути имеется в виду совпадение устной и письменной речи. Высказыванию о Писареве зеркально соответствуют свидетельства и о Чернышевском. Приведу одно на двоих воспоминание, скажем, о Писареве: «...это был никогда не затрудняющийся, не ищущий слов оратор, всегда имеющий в запасе закругленные, безупречно литературные выражения, поражающий в живой речи тем же, чем он изумлял всех, видевших его рукописи: способностью излагать свои мысли прямо набело, без единой поправки и перестановки <...> бестрепетным стилем» [Волынский 1896: 483].

Возникает вопрос — чем можно объяснить столь очевидное сходство? В первую очередь обратимся к сведениям о том, когда был опубликован основной корпус мемуаров о Писареве и Чернышевском. Воспоминания о Чернышевском, кроме небольшого количества вышедших за границу сразу после высылки, начинают публиковаться вскоре после его смерти в конце 1880-х и в 1890-е годы, но особенно широко с 1905 года, как и все другие мемуары о деятелях революционного движения. В количественном отношении свидетельства о Писареве значительно уступают по вполне понятным причинам. Единичные воспоминания о Писареве появляются почти сразу после смерти, в конце 1860-х годов; основной корпус, как и в случае с Чернышевским, публикуется в 1880-х и далее также с 1905 года, то есть параллельно с мемуарами о Чернышевском. Из

этого автоматически не следует, будто писавшие ориентировались друг на друга в буквальном смысле, хотя публикации и находились в общем поле зрения. В частности, если говорить о Чернышевском, известны многие случаи полемики разных авторов, уличавших друг друга в неверной интерпретации тех или иных фактов.

Наша основная версия строится на предположении, что у мемуаристов, то есть в общественном сознании определенного круга людей, уже существовала некая модель для создания облика выдающегося общественного деятеля революционного движения. Оба — Чернышевский и Писарев — не просто ей соответствовали, их образы изначально были положены в ее основу, еще при жизни Чернышевского и сразу после смерти Писарева. Речь идет о поэтических образцах, получивших широкое распространение и многочисленные вариации: это стихотворения Некрасова, посвященные Чернышевскому («Пророк», 1874) и Писареву («Не рыдай так безумно над ним», 1868). Поэтический мартиролог начинают Белинский («Памяти Белинского», 1853) и Добролюбов («Памяти Добролюбова», 1864).

Еще одним источником формирования облика общественно-революционного деятеля могут считаться публичные похороны 1860–1870-х годов и более поздние, заменявшие выражение общественного протеста⁶. В частности, показателен жанр надгробного слова, где акцентировались, как в некрасовских стихотворениях, определенные темы: самоотверженное служение общественным идеалам; гений, принесенный в жертву ради людей; безвременная смерть от гнета властей.

Похороны Писарева и Чернышевского по части речей являются исключениями, в обоих случаях они были запрещены. Краткое слово у могилы Писарева произнесено Благосветловым вопреки запрету, оно известно по агентурной записке и вполне дает представление о характерной риторике: «...Будучи заключен в крепость, он в сыром и душном каземате, окруженный солдатами, под звуки оружия, продолжал заниматься литературой...» [Писарев в воспоминаниях и свидетельствах современников 2015: 337]. Показательны жесты, заменяющие речи и эквивалентные им. Так, например, на гроб Чернышевского одна женщина положила терновый венок (очевидная реплика некрасовского «Пророка»). Основой, определившей последующий образец выступления на публичных похоронах общественного деятеля, борца, можно считать сказанное Чернышевским и Некрасовым на похоронах Добролюбова. Показателен известный эпизод, имеющий несколько мемуарных вариантов,

⁶ О публичных похоронах как форме самоорганизации революционного движения см.: [Корнацкий 2018: 88–98].

мы же воспользуемся свидетельством агента III Отделения — при всех издержках примитивности, с какой пересказана речь Чернышевского: «Чернышевский, оканчивая свою речь, говорил, что вот лежат рядом две литературные знаменитости, умершие в молодости, в самом развитии таланта, и потом, указывая на пустое место, сказал: “Какую же знаменитость тут положить?” На это послышался чей-то ответ из числа присутствовавших: “вероятно, г. Чернышевский”. Многие на это улыбнулись, а г. Чернышевский сконфузился, вероятно, заметив сам неловкость своей последней фразы». Реплика на грани кладбищенского юмора вполне объяснима логикой и пафосом говорившего.

Вернемся к общим местам. Невероятные способности обоих, выделенные в мемуарах, особым образом акцентируют черты выдающейся фигуры. Оба не просто литераторы и даже не столько литераторы, сколько люди высочайших интеллектуальных природных дарований, положенных на алтарь борьбы. В общую модель вписываются и ситуации разочарования, неузнавания. Противоречие между ожидаемым — истинным — обликом и видом реального человека подчеркивает колоссальный перевес силы духа и мысли над обычной человеческой природой. Как и физическая метаморфоза, контрастный переход из нежного возраста в зрелый возраст борца и ниспровергателя («Кто бы мог подумать, что...»).

В качестве постскриптума приведу один комментарий к известному литографическому портрету Писарева 1868 года⁷. По поводу литографии и рисунка, на основе которого была создана литография, В.И. Щербаков замечает: ни то, ни другое не имеет прямого отношения к реальному лицу Писарева: «...исправлена форма носа, увеличен разрез глаз, прибавлено растительности на щеках. <...> он предстает с довольно-таки густой бородой (какой у него никогда не было)» [Щербаков 2015: 51]. В каком-то смысле похожий принцип просматривается в мемуарах, ориентированных на определенный конвенциональный тип общественно значимой фигуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Быховский Н.Д.* Д.И. Писарев в Петропавловской крепости // Литературное наследство: (Чернышевский. Добролюбов. Писарев). Т. 25/26. М., 1936. С. 655–691.
2. *Волынский А.* Русские критики. Литературные очерки. СПб., 1896.
3. *Гинзбург Л.Я.* Мемуары // Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. Л., 1971. С. 135–282.
4. *Н.А. Добролюбов* в воспоминаниях современников. М., 1986.

⁷ Был опубликован в одном из томов павленковского издания и поныне в нашем восприятии является основным визуальным обликом критика (литография создана А.Э. Мюнстером по рисунку П.Ф. Бореля).

5. *Елизаветина Г.Г.* Примечания // Писарев Д.И. Полн. Собр. соч. и писем: в 12 т. Т. 1. М., 2000.
6. *Корнацкий Н.Н.* Похороны Д.И. Писарева как несостоявшаяся демонстрация // Исторический журнал: научные исследования. 2018. № 5. С. 88–98.
7. *Кузнецов Ф.Ф.* Круг Д.И. Писарева. М., 1990.
8. *Лемке К.М.* Политические процессы М.И. Михайлова, Д.И. Писарева и Н.Г. Чернышевского. СПб., 1907.
9. *Николадзе Н.Я.* Воспоминания о шестидесятих годах // Н.Г. Чернышевский в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 1. Саратов, 1958. С. 391–403.
10. *Николаев П.Ф.* Воспоминания о пребывании Н.Г. Чернышевского в каторге // Н.Г. Чернышевский в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 2. Саратов, 1959. С. 151–185.
11. *Панаева А.Я.* Воспоминания. М., 1986.
12. Д.И. Писарев в воспоминаниях и свидетельствах современников. М., 2015.
13. *Пыпин А.Н.* Мои заметки // Н.Г. Чернышевский в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 1. Саратов, 1958. С. 56–73.
14. *Соловьев Е.А.* Д.И. Писарев. Его жизнь и литературная деятельность. СПб., 1893.
15. *Стеклов Ю.М.* Н.Г. Чернышевский, его жизнь и деятельность (1828–1889). СПб., 1909.
16. *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Т. 7. Письма. М., 1990.
17. *Щеголев П.Е.* Алексеевский рavelин. М., 1989.
18. *Щербаков В.И.* Писарев в отзывах современников // Д.И. Писарев в воспоминаниях и свидетельствах современников. М., 2015. С. 3–57.

REFERENCES

1. Bykhovskii N.D. D.I. Pisarev v Petropavlovskoi kreposti [D.I. Pisarev in the Peter and Paul Fortress]. *Literaturnoe nasledstvo: (Chernyshevskii. Dobrolyubov. Pisarev)*. [Literary heritage: (Chernyshevskii. Dobrolyubov. Pisarev)]. Vol. 25/26. Moscow, *Zhurnal'no-gazetnoe ob'edinenie Publ.*, 1936, pp. 655–691. (In Russ.)
2. Volynskii A. *Russkie kritiki. Literaturnye ocherki* [Russian critics. Literary essays]. St. Petersburg, *Tipografiya M. Merkusheva Publ.*, 1896. 827 p. (In Russ.)
3. Ginzburg L.Ya. *Memuary [Memoirs]. Ginzburg L.Ya. O psikhologicheskoi proze* [Ginzburg L.Ya. About psychological prose]. Leningrad, *Khudozhestvennaya literatura Publ.*, 1971, pp. 135–282. (In Russ.)
4. N.A. *Dobrolyubov v vospominaniyakh sovremennikov* [N.A. Dobrolyubov in the memoirs of contemporaries]. Moscow, *Khudozhestvennaya literatura Publ.*, 1986. 421 p. (In Russ.)
5. Elizavetina G.G. *Primechaniya [Notes]. Pisarev D.I. Polnoe sobranie sochinenii i pisem: V 12 tomakh* [Complete collection of works and letters: in 12 vols.]. Vol. 1. Moscow, *IWL RAS Publ.*, 2000. 510 p. (In Russ.)
6. Kornatskii N.N. *Pokhorony D.I. Pisareva kak nesostoyavshayasya demonstratsiya* [The funeral of D.I. Pisarev as a failed demonstration]. *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya* [History magazine — researches], 2018, no. 5, pp. 88–98. (In Russ.)
7. Kuznetsov F.F. *Krug D.I. Pisareva* [D.I. Pisarev's circle]. Moscow, *Khudozhestvennaya literatura Publ.*, 1990. 926 p. (In Russ.)
8. Lemke K.M. *Politicheskie protsessy M.I. Mikhailova, D.I. Pisareva i N.G. Chernyshevskogo* [Political processes of M.I. Mikhailov, D.I. Pisarev and N.G. Chernyshevskii]. St. Petersburg, *O.N. Popova Publ.*, 1907. 421 p. (In Russ.)
9. Nikoladze N.Ya. *Vospominaniya o shestidesyatykh godakh* [Memories about the sixties]. *N.G. Chernyshevskii v vospominaniyakh sovremennikov: V 2 tomakh* [N.G. Cher-

- nyshevskii in the memoirs of contemporaries: in 2 vols.]. Vol. 1. Saratov, *Saratovskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ.*, 1958, pp. 391–403. (In Russ.)
10. Nikolaev P.F. *Vospominaniya o prebyvanii N.G. Chernyshevskogo v katorge* [Memories of N.G. Chernyshevskii's stay in hard labor]. *N.G. Chernyshevskii v vospominaniyakh sovremennikov: V 2 tomakh* [N.G. Chernyshevskii in the memoirs of contemporaries: in 2 vols.]. Vol. 2. Saratov, *Saratovskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ.*, 1959, pp. 151–185. (In Russ.)
 11. Panaeva A.Ya. *Vospominaniya* [Memories]. Moscow, *Pravda Publ.*, 1986. 508 p. (In Russ.)
 12. *D.I. Pisarev v vospominaniyakh i svidetel'stvakh sovremennikov* [D.I. Pisarev in memoirs and testimonies of contemporaries]. Moscow, *IWL RAS Publ.*, 2015. 450 p. (In Russ.)
 13. Pypin A.N. *Moi zametki* [My notes]. *N.G. Chernyshevskii v vospominaniyakh sovremennikov: V 2 tomakh* [N.G. Chernyshevskii in the memoirs of contemporaries: in 2 vols.]. Vol. 1. Saratov, *Saratovskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ.*, 1958, pp. 56–73. (In Russ.)
 14. Solov'ev E.A. *D.I. Pisarev. Ego zhizn' i literaturnaya deyatel'nost'* [D.I. Pisarev. His life and literary activity]. St. Petersburg, *Tipografiya Yu.N. Erlikh Publ.*, 1893. 160 p. (In Russ.)
 15. Steklov Yu.M. *N.G. Chernyshevskii, ego zhizn' i deyatel'nost' (1828–1889)* [N.G. Chernyshevskii. His life and activity (1828–1889)]. St. Petersburg, *Tipografiya tovarishchestva "Obshchestvennaya pol'za"*, 1909. 426 p. (In Russ.)
 16. Turgenev I.S. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: V 30 tomakh* [Turgenev I.S. Complete collection of works and letters: in 30 vols.]. Vol. 7. Letters. Moscow, *Nauka Publ.*, 1990. 445 p. (In Russ.)
 17. Shchegolev P.E. *Alekseevskii ravelin* [Aleksseevsky Ravelin]. Moscow, *Kniga Publ.*, 1989. 379 p. (In Russ.)
 18. Shcherbakov V.I. *Pisarev v otzyvakh sovremennikov* [Pisarev in the reviews of contemporaries]. *D.I. Pisarev v vospominaniyakh i svidetel'stvakh sovremennikov* [D.I. Pisarev in memoirs and testimonies of contemporaries]. Moscow, *IWL RAS Publ.*, 2015, pp. 3–57. (In Russ.)

Поступила в редакцию 16.02.2023

Принята к публикации 15.04.2023

Отредактирована 10.05.2023

Received 16.02.2023

Accepted 15.04.2023

Revised 10.05.2023

ОБ АВТОРЕ

Печерская Татьяна Ивановна — доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методологии обучения литературе Новосибирского государственного педагогического университета; ptatiana9@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Tat'yana Pecherskaya — Dr. Habil in Philology, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Theory of Literature and Methodology of Teaching Literature, Novosibirsk State Pedagogical University; ptatiana9@gmail.com